

Людмила Улицкая приносит извинения, что трижды твердо обещала бросить писать

ФЕДЕРАЛЬНОЕ агентство по печати и массовым коммуникациям и фонд «Пушкинская библиотека» стали инициаторами проекта «Большая книга – встречи в провинции».

Проект призван привлечь внимание читающей публики к лучшим произведениям современных авторов, о которых, увы, в регионах мало знают. Книжная акция стартовала 22 августа в Калининграде. С 14 сентября эстафету приняла Челябинская область. Пять дней в ряде городов и районов Южного Урала проходили выставки лауреатов и номинантов национальной литературной премии «Большая книга» и встречи с писателями Людмилой Улицкой, Игорем Сахновским, Львом Данилкиным.

Гостьей Магнитки 17 сентября стала Людмила Улицкая. До этого она посетила Аркаим, встретила с книголюбями Чесмы и Агаповки. В киноконцертном зале «Партнер», где собрались магнитогорские книголюб, почти полтора часа автор книг «Казус Кукоцкого», «Люди нашего двора», «Искренне ваш, Шурик», «Даниэль Штайн» и других отвечала на вопросы, а потом подписывала книжки желающим. Мы взяли у нее автограф и для читателей «Магнитогорского металла».

Людмила Евгеньевна родилась в 1943 году в башкирском селе Давлеканово. По образованию она биолог-генетик, что не помешало ей стать известной писательницей. Трижды была замужем. О каждом муже может рассказать целую историю.

В 1996 году получила французскую премию Медичи, а через год роман «Медея и ее дети» вывел ее в число финалистов Букеровской премии. Первые книги вышли за рубежом. Цикл рассказов «Бедные родственники» впервые увидел свет во Франции, потому что ситуация в России препятствовала ее творчеству. Благодаря Парижу, ее книги изданы в семнадцати странах Европы и США.

Почти на каждой встрече читатели задают ей вопрос: а почему она стала писать?

– Поскольку этот вопрос с некоей навязчивостью повторяется – не всегда бескорыстно: есть люди, которые тоже пишут и которым тоже хочется когда-нибудь напечататься, то, подумавши, сообщала вот какую вещь, – с этого откровения началась встреча в «Партнере». – На самом деле пишут очень многие. Но очень честные из них, которые действительно любят писать, не считают нужным кому бы то ни было показывать написанное. Что касается лично меня, то я очень рано начала писать стихи, какие-то записочки, дневники... У меня и мыслей не было, что это станет профессией. Думаю, что вообще писать – это очень полезно. В особенности, если ты не ставишь перед собой задачи непременно это опубликовать. Когда человек пишет – письмо ли, дневниковую запись, то ему всегда приходится подумать, сформулировать свои мысли, грамотно их изложить. Он пишет то, что у него на сердце, и, в каком-то смысле, облегчает свою душу. Недаром есть такие приемы в психотерапии, когда пациента заставляют описать все, что с ним произошло. Один весьма близкий знакомый проходил реабилитацию после довольно длительного периода наркомании. Врачи заставляли описывать главные события жизни. Так что даже психотерапевты знают, как это полезно. А я писала, но специальность наметила другую. Мама моя биохимик, окончила в свое время Московский университет, и была я с самой юности настроена на то, что буду либо врачом, либо биологом. Так и получилось. Я не сразу поступила в университет, работала два года до поступления в институт педиатрии и потом попала в лабораторию по изучению и развитию мозга. Эти два года дали много. Но тогда еще не понимала, как это много.

Должны были пройти десятилетия, чтобы до меня дошло, какой это

РОМАН – РАБОТА ДО ПОЛУСМЕРТИ

был верный выбор.

Жизнь открыла мне

правильную дверь.

Когда ты сталкива-

ешься с реальными

проблемами, самым

большим несчастьем,

которое может быть

у человека, – рожде-

ние больного ребенка,

многие другие непри-

ятности кажутся не такими значи-

тельными. Это дает масштаб оценок:

вот с этим можно справиться. Есть

большое несчастье, а есть несчастья,

которые мы себе придумываем, рас-

кручиваем...

– Когда я окончила университет,

– продолжает Людмила Евгеньевна,

– получила хорошее распределение в

Академию наук, в молодую лаборато-

рию популяционной генетики. Потом

ее закрыли. Это было время, когда

мы много читали не только научную

литературу, но и запрещенную, а

список ее был огромным. Мне трудно

ответить, довольна ли я тем, что

произошло в 91 году и нравятся ли

мне наша страна сегодня. Но я очень

рада произошедшим переменам, по-

тому что книги пришли в страну. В

течение одного-двух лет напечатали

все книги, которые распространяли

подпольно, за которые нас гоняли,

которые мы давали друг другу на

ночь. Так был, как вы знаете, про-

читан Александр Солженицын всей

страной, по крайней мере, наиболее

образованной частью. Поэтому моя

биология на этом закончилась: с тех

пор как нас разогнали, я ею больше

никогда не занималась. Девять лет не

работала – рожала детей, занималась

домом, болела и умирала моя мама.

Это были довольно тяжелые годы,

потому что мы жили в расцвет бреж-

Мне очень нравится
"Люди нашего двора"
Людмила Улицкая

кламные тексты, вела переписку с начальством, работала с теми пьесами, которые приносили в театр, и общалась с их авторами. Пьесы были одна другой хуже, она мучилась и ничего не могла сделать. Потом поняла, что проще переписать, чем переделять. И – начала писать пьесы. Уйдя из театра, по инерции продолжала писать. В восьмидесятые годы написала довольно много пьес для кукольных театров, инсценировок, радио. Единственную «взрослую» «Мой внук Вениамин» поставили в Перми. Спустя двадцать лет она издала книжку, куда вошла и эта пьеса. А еще Улицкая делала переводы, писала очерки и учебные программы...

– Людмила Евгеньевна, у вас есть роман «Путешествие в седьмую стройку света». Эпиграфом вы взяли строки Симона Вайна: «Истина лежит на стороне смерти». Почему?

– Симона Вайн совершенно замечательный человек. Французенка, еврейка по национальности. Окончила философский факультет, занималась рабочим движением, была из французских левых, но христианка. Когда началась война, попала в Англию, будучи тяжело больной туберкулезом. Она знала, что огромное количество людей в Европе в лагерях сидят, и среди них евреи. В знак солидарности она ела пайку, какую давали в лагерях. Быстро умерла. Симона написала книгу «Тяжесть и благодать», которая произвела на меня потрясающее впечатление. Ее высказывание, что истина лежит на стороне смерти, – многопланово. И один из его подтекстов таков: истину

мы узнаем только тогда, когда мы эту границу перейдем.

– Как вы относитесь к религии? Воспитание детей должно быть религиозно окрашенным?

– Думаю, что воспитание детей должно быть естественным. Если вы человек религиозный, то совершенно естественным образом поведете своего ребенка в то место, которое для вас ценное, будь то церковь, мечеть, синагога или любое другое молебное заведение. Считаю, это дело родителей, а не государства. Надо ли преподавать религию в школе и в какой форме? Думаю, надо преподавать культурологию, то есть историю религии, какой-то курс общего характера. Когда родитель хочет ввести в церковное русло своего ребенка, он вполне может его отвести в воскресную школу, и ребенок получит там то, что родители считают нужным.

– После книги «Искренне ваш, Шурик», вы заявили, что больше не будете писать романов. Но написали «Даниэль Штайн. Переводчик».

– Действительно, после каждого большого романа совершенно твердо решаю, что больше не буду писать их, потому что это дико изматывающее занятие. Эти заявления я делала, по моему, трижды. Мне придется принести извинения, хотя я надеюсь, что романы я писать не буду, а что-нибудь полегче. Я люблю писать рассказы, самое идеальное пространство – 21 страница. Но если тема сильно занимает, то появляется желание глубоко высказаться и «рассказного» объема недостаточно. И – начинается работа до полусмерти.

– Как вы относитесь к употреблению ненормативной лексики?

– Совершенно спокойно, потому что один из лучших романов середины двадцатого века – «Москва-Петушки» Венечки Ерофеева. В его романе ненормативная лексика вполне присутствует, но я ее не замечаю. Книжка настолько восхитительна, талантлива, что считаешь, как же это прекрасно написано. И

если это нужно для текста, то я ничего против не имею. Ненормативная лексика гораздо менее приятна на улице, когда дети ругаются, дерутся и друг друга называют некрасивыми словами. Когда эти слова используют в литературе, есть определенные мотивации. У нас были строгими в этом смысле воспитание и время. И вы прекрасно знаете, что нельзя требовать чистоты языка, на котором выросли. Александр Сергеевич Пушкин позволял себе.

– Какие из ваших книг наиболее значимы для вас?

– Наверное, я очень счастливый автор. От всего, что написала, не могу отказаться. Не потому, что одна более любимая или менее, а по степени сложности взаимоотношений себя и текста, когда я работала. Самая легкая книга – сборник рассказов «Сквозная линия». Тяжелая – безусловно, последний роман «Даниэль Штайн. Переводчик». А веселая, когда я полтора месяца с утра до вечера хохотала, как сумасшедшая, сама с собой – пьеса «Русское варенье», которая вышла сравнительно недавно. «Медея и ее дети» для меня связаны со смертью отца – это были последние месяцы его жизни, и я сидела, работала, а за стеной болел и умирал отец. И пока я работала, приходила женщина и ухаживала за ним. Когда она уходила, сидела я. Ни за что из того, что я написала, мне, слава богу, пока не стыдно.

– Когда-то говорили: поэт в России больше, чем поэт. Можно ли сегодня говорить о писателе, как о владетеле душ?

– Писатель как выразитель интересов нации – думаю, эта история закончилась. Самый последний писатель, который мог претендовать на место пророка, глашатая, выразителя, умер в прошлом месяце – Александр Исаевич Солженицын. И не похоже, чтобы кто-то сегодня возник соразмерно его общественному, но не по писательскому масштабу. Очень уважаю Варлама Шаламова, он во многом сходится с Солженицыным. Он мне представляется писателем никак не меньше, он очень талантлив. Но так судьба сложилась: у Шаламова были меньшие амбиции. Он не хотел быть Львом Толстым нашего времени. Александр Исаевич, по-видимому, хотел и занял это место, насколько в нашем мире это возможно. Мне, принадлежащей к поколению шестидесятников, фигура Солженицына, конечно, чрезвычайно важна. То, что он сделал, это совершенно поразительно. Но последнее двадцатилетие его жизни, его стремление разъяснить, научить всех с позиции человека, который знает, как надо, мне не казалось привлекательным. Хотя место его в мире великое.

– Что вы читаете сейчас?

– В последние несколько лет я читаю non-fiction, потому что занялась детским проектом культурной антропологии «Другой. Другие. О других». Проект рассказывает о самых разных сферах человеческой жизни в разных культурах. И поэтому у меня большое, безумно интересное антропологическое чтение, которое очень прочищает мозги.

– Каково у вас соотношение вдохновения и работы?

– Я же не поэт, которому очень важно схватить эту минуту и ее зафиксировать. Я не могу сказать, что я дисциплинированный человек и работаю с девяти до пяти. У меня бывают такие периоды, что вообще работать невозможно, а потом я оказываюсь в счастливом одиночестве, день, другой, третий хожу, мыкаюсь. Потом сажусь и работаю.

– Что для вас значат литературные премии?

– Это хорошо, что они есть и что их много. Особенно важно это для молодых, которые только-только начинают свою писательскую жизнь. Такая премия пробивает дорогу к читателю.

Подготовили
ИЛЬЯ МОСКОВЕЦ,
СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ.
Фото ДМИТРИЯ РУХМАЛЕВА.